Б. И. Сыромятниковъ.

Краткій обзоръ и указатель литературы по исторіи государственной власти въ Россіи.

Изданіе Общества Взаимопомощи
слушателей М. Г. Н. Университета
имени А. Л. Шанявскаго.
Москва.
1913.

Б. И. Сыромятниковъ.

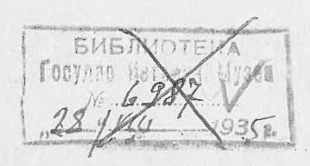
КРАТКІЙ ОБЗОРЪ

И

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ПО ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ВЪ РОССІИ.

МОСКВА.
Типографія п./ф. „ЛОМОНОСОВЪ“, 1-я Тверская-Ямская, д. 22.
1913.

БИБЛИОТЕКА
№ 6987
1935 г.

Возникшее годъ тому назадъ Общество Взаимопомощи слушателей Московскаго Городского Народнаго Университета имени А. Л. Шанявскаго, развивая свою широкую дѣятельность, организовало между прочимъ и издательскую комиссію, которая имѣетъ, прежде всего, цѣлью придти на помощь слушателямъ университета путемъ изданія читаемыхъ профессорами лекцій, учебный пособіей, научныхъ книгъ и журналовъ.

Полагая настоящимъ изданіемъ начало своей издательской дѣятельности, Комиссія считаетъ необходимымъ замѣтить, что это изданіе является первымъ и пробнымъ ея опытомъ; въ немъ, слѣдовательно, возможны нѣкоторые дефекты которые комиссія проситъ указать для исправленія ихъ въ будущихъ изданіяхъ, за что и будетъ благодарна.

Въ заключеніе издательская комиссія отъ лица Общества Взаимопомощи слушателей университета считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ принести глубокую благодарность, какъ **Б. И. Сыромятникову,** который, идя навстрѣчу молодому обществу, любезно предоставилъ послѣднему изданіе своей брошюры совершенно безвозмездно, такъ и **А. Д. Рубанову,** являющемуся иниціаторомъ изданія и принявшему на себя вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ труды по его осуществленію.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМИССІЯ

Москва, 1 декабря 1912 г.

Настоящій «обзоръ и указатель» представляетъ собой нѣсколько переработанное изданіе обзора по «Исторіи верховной власти въ Россіи», появившагося въ 1909 г. (кн. 4) въ журналѣ «Критическое обозрѣніе». Цѣль настоящаго изданія—оказать содѣйствіе лицамъ, желающимъ самостоятельно пройти одинъ изъ основныхъ отдѣловъ исторіи русскаго государственнаго права. Исторія организаціи государственной власти—таковъ предметъ предлагаемаго ниже указателя.

Соотвѣтственно съ означенной задачей, въ этомъ новомъ изданіи библіографическій указатель не только пополненъ нѣкоторыми новѣйшими (вышедшими послѣ 1909 г.) сочиненіями, но и расширенъ въ отдѣлѣ исторіи учрежденій дополнительными указаніями по литературѣ исторіи учрежденій областныхъ.

Въ качествѣ общихъ пособій, охватывающихъ всю исторію русскаго государственнаго права, предварительное знакомство съ которыми было бы весьма полезно, можно указать слѣдующихъ авторовъ:

1) М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, 694 стр. Ц. 4 руб.

2) М. А. Дьяконовъ. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси (изд. 2), 1908 г., 509 стр. Ц. 3 руб.

3) Н. П. Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси, 1907 г., 149 стр. Ц. 1 руб.

4) В. Н. Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (18—19 с.), изд. 2-ое, 1909 г., 644 стр. Ц . 4 р.

Къ сожалѣнію, слѣдуетъ замѣтить, что удѣльный и имперскій періоды представлены въ означенныхъ пособіяхъ слабѣе всего. Отъ этихъ общихъ работъ можно уже перейти къ болѣе детальному изученію каждаго отдѣльнаго историческаго періода.

Если бы мы пожелали въ немногихъ словахъ формулировать сущность и обозначить границы закономѣрнаго процесса эволюціи государственнаго строя въ Россіи, мы сказали бы, что этотъ процессъ шелъ, какъ и въ другихъ государствахъ, въ направленіи отъ непосредственной демократіи (народоправства) къ правовому государству. Въ этой исторической перспективѣ, въ условіяхъ индивидуальной, исторической обстановки, русское государство на пространствѣ болѣе чѣмъ тысячелѣтія разрѣшало свою національную задачу, медлительно проходя общечеловѣческіе этапы исторической жизни.

Первымъ этапомъ на этомъ долгомъ пути, начало котораго сокрыто въ сумеркахъ доисторической древности, является, какъ только что было упомянуто, эпоха народовластія, когда, по удачному выраженію нашихъ памятниковъ, «государемъ» назывался народъ, объединенный на вѣчевой сходкѣ, а княжеская власть, подобно королевской власти на Западѣ въ аналогичный моментъ, въ свою очередь, представляла изъ себя, говоря словами Фюстель-де-Куланжа, «не что иное, какъ одну изъ формъ демократіи». Только съ указанной точки зрѣнія и можно подойти къ пониманію истинной природы верховной власти въ древней Руси,—власти, которая въ теченіе настоящаго періода, по мѣрѣ постепеннаго разложенія вѣчевого государства, пережила не мало испытаній и замѣтныхъ метаморфозъ. Основнымъ вопросомъ для насъ въ данную эпоху долженъ быть, поэтому, вопросъ о вѣчевомъ строѣ, т.-е. о вѣчѣ, отношеніи его къ князю и, въ частности, вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ волостей-

княженій, съ одной стороны, и князей между собой—съ другой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣсной связи съ исторіей княжеской власти въ настоящемъ періодѣ должна быть выяснена роль боярскаго совѣта при князѣ — княжеской думы, а также ваимоотношеніе органовъ княжеской и земской (общинной) администраціи.

Для первоначальной оріентировки во всѣхъ этихъ вопросахъ достаточно указать на трудъ проф. В. И. Сергѣевича «Вѣче и Князь» (1867 г.), съ которымъ лучше всего познакомиться (въ новой переработкѣ) по болѣе доступному, второму тому «Русскихъ юридическихъ древностей» того же автора (изд. 3-е, 1909 г., кн. 3 и 4), гдѣ имѣется также особый отдѣлъ (кн. 5), посвященный «совѣтникамъ князя», т.-е. вопросу о боярской думѣ. Существенныя поправки и дополненія ко взглядамъ вышеназваннаго автора читатель найдетъ къ книгѣ проф. В. О. Ключевскаго «Боярская дума древней Руси» (изд. 4-е, 1908 г., гл. 1 и 2). Можно рекомендовать также интересныя статьи И. Линниченко «Вѣче въ Кіевской области» («Кіев. Универ. извѣстія» 1881 г. 3 и отдѣльно) и проф. И. И. Дитятина. «Изъ исторіи мѣстнаго управленія» въ сборникѣ «Статьи по исторіи русскаго права И. И. Дитятина» (1895 г.), а также книгу С. Соловьева «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ» (М. 1846 г., 162 стр.). Укажемъ также на книгу А. Прѣснякова «Княжое право въ древней Руси» (1909 г.), гдѣ сдѣлана попытка пересмотра вопроса о княжеской власти въ періодъ 10—11 вв. Для лучшаго ознакомленія съ системой княжескаго управленія и земскаго самоуправленія можно рекомендовать А. Никитскаго «Очеркъ внутренней исторіи Пскова» (1873 г.), Н. Костомарова «Сѣвернорусскія народоправства», т. 2 (1886 г.), М. Н. Покровскаго «Мѣстное самоуправленіе въ древней Руси» (Сбор. «Мелкая земская единица») и А. А. Кизеветтера «Мѣстное самоуправленіе въ Россіи» (1910 г., гл. 1 и 2). Полезно было бы ознакомиться съ сборникомъ статей по «Русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ» подъ ред. В. Н. Сторожева,

вып. 1 (Библіотека для самообразованія, 1898 г.), гдѣ дана характеристика различныхъ научныхъ теорій по вопросу о государственномъ строѣ древней Руси, и съ книгами Фримана «Сравнительная политика» (1880 г., пер. Н. Коркунова) и Н. Карнѣева. Государство городъ античнаго міра. 1910 г. 348 стр. Съ важнѣйшими памятниками эпохи можно ознакомиться по Христоматіи по исторіи русскаго права. М. Владимірскаго-Буданова, в. 1 и 2 (изд. 3).

Съ паденіемъ древне-русской демократіи — собственно, южно-русской, такъ какъ новгородско-псковская гражданская община продержалась значительно дольше—мы вступаемъ на второй этапъ русской исторической жизни. Съ конца XII ст. центръ политической жизни народа перемѣщается у насъ на территорію сѣверо-восточной Руси, гдѣ въ процессѣ широкой колонизаціи края и складывается постепенно новое общество и государство на натурально-хозяйственной земледѣльческой основѣ — Русь удѣльная или феодальная. На мѣсто государства-«волости» является государство-«вотчина» со всѣми признаками средневѣковаго «государства-помѣстья»; на мѣсто «государя-народа» становится «государь-князь» или, точнѣе, «государь-вотчинникъ», ибо, согласно терминологіи памятниковъ эпохи, каждый, землевладѣлецъ тогда назывался «государемъ» и дѣйствительно былъ имъ. Въ тѣсной, интимной связи съ означеннымъ переворотомъ происходитъ и совершенное преображеніе государственной власти въ удѣльномъ княжествѣ. Удѣльная Русь съ ея чрезвычайнымъ дробленіемъ и часто-правовымъ характеромъ политической власти, сеньеральными полномочіями вотчиннаго землевладѣнія и управленіемъ, основанномъ на началахъ «кормленія», даетъ намъ яркую картину господства системы политическаго феодализма. Однако, несмотря на указанный распадъ власти, удѣльное княжество не перестаетъ оставаться государствомъ; это было только типичное феодальное государство, которое, по существу, является въ исторіи ничѣмъ инымъ, какъ натурально-хозяйственною формою политическаго союза. Князь-сюзеренъ, стоящій въ договорныхъ отноше-

ніяхъ къ своимъ подданнымъ и раздѣляющій свои государственныя права и полномочія со своими вѣрными вассалами—таковъ характеръ государственной власти въ данномъ періодѣ. Вниманіе наше, поэтому, должно быть сосредоточено, въ настоящемъ случаѣ, главнымъ образомъ, на князѣ и его правительственномъ совѣтѣ, боярской думѣ, какъ высшей феодальной куріи и авторитетномъ политическомъ органѣ удѣльнаго княжества. Боярская дума въ эту эпоху не отдѣлима отъ княжеской власти. Удѣльный князь тогда, дѣйствительно, «держахъ русскую землю» вмѣстѣ съ боярами, такъ что Дмитрій Донской имѣлъ всѣ основанія назвать своихъ бояръ: «князями земли моей».

Съ измѣненіемъ въ настоящемъ періодѣ характера власти князя и его непремѣннаго «совѣта» и вся система удѣльнаго управленія отлилась въ формы, которыя представляли изъ себя «довольно точную копію устройства древне-русской боярской вотчины». Натурально-хозяйственная организація «удѣльной» администраціи въ лицѣ «намѣстниковъ», «волостелей» и всякаго рода «путныхъ» кормленщиковъ, въ указанномъ смыслѣ, весьма удачно завершала систему государственнаго управленія даннаго періода. Систему, которая на время прикрыла собой организацію выборныхъ земскихъ и мірскихъ властей, сохранившихъ однако исконное устройство.

Лучшая характеристика удѣльнаго княжества, какъ государства-помѣстья, принадлежитъ великому русскому исто сорику проф. В. О. Ключевскому. Къ его классическому сочиненію «Боярская дума древней Руси» (гл. 3—7), мы и рекомендуемъ читателю обратиться прежде всего. Желательно также ознакомиться со статьей Б. Н. Чичерена «Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей» въ его сборникѣ статей «Опыты по исторіи русскаго права» (М. 1858 г.), а также книгами: Н. Ланге «Древніе русскіе смѣсные или вобчіе суды» (1882 г.), Н. Загоскина «Уставныя грамоты 14—16 вв.», в. 1 и 2 (1875—76 г.) и А. А. Кизеветтеръ, op. и t., гл. 3—4. Краткій схематическій очеркъ удѣльной Руси въ терминахъ

западно-евпропейскаго феодальнаго права даетъ книга Н. П. Сильванскаго «Феодализмъ въ древней Руси» (СПБ., изд. Брокгауза-Ефрона 1907 г., гл. 1—3). Полезнымъ дополненіемъ къ послѣднему пособію является статья проф. Ф. В. Тарановскаго «Феодализмъ въ Россіи» («Варшав. Универ. извѣстія», 1902 г. и отдѣльно) и этюдъ Н. Карѣева. «Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи?» (1910 г.). См. также «Энциклопедич. Словарь» Брокгауза и Ефрона п. т. 70—Феодализмъ. Съ основными источниками удѣльной эпохи можно ознакомиться по изданію «Памятники русской исторіи», вып. «Духовныя и договорныя грамоты князей великихъ и иудѣльныхъ», подъ ред. С. В. Бахрушина (М. 1909 г., изд. Клочкова, 148 стр.), «Актамъ 13—17 вв.», изд. А. Юшковымъ (Член. М. О. И. и Д. Р: 1898 г:, кн. 2, 3, 4) и книгѣ А. Горбунова «Льготныя грамоты» (Архивъ И. П. С. Калачова, 60 г.; 5, 1861 г.; 6, 1863 г.). Желательно ознакомиться также съ очеркомъ Н. Карѣева «Помѣстье-государство и сославная монархія, (1906 г., гл. 1—13).

Логика процесса феодализаціи, роковымъ образомъ предопредѣлившая раздробленіе удѣльной Руси на сотни самодовлѣющихъ политическихъ мірковъ, столь же необходимо привела, въ дальнѣйшемъ, къ концентраціи народныхъ силъ страны и государственной централизаціи. Этотъ естественный переходъ центробѣжныхъ началъ, господствовавшихъ въ пору ранняго феодалима, въ центростремительныя—превратилъ удѣльную Русь въ московскую объединенную національную монархію «всея Руси». Но такъ какъ въ основѣ даннаго стихійнаго «собирательнаго» процесса лежали все тѣ же «удѣльные» элементы и силы, то и сложившаяся въ концѣ-концовъ, на развалинахъ удѣльнаго строя, третья, политическая формація, такъ-называемое «московское государство», представляла изъ себя лишь новый варіантъ на тѣ же феодальные мотивы. Московская самодержавная монархія XVI—XVII вв., «отчина и дѣдина» великихъ князей московскихъ, съ полнымъ правомъ можетъ быть квалифицирована какъ сословно-феодальная монархія. Дѣй-

ствительно, соціально-экономическая структура этого военно-землевладѣльческаго государства, въ основныхъ своихъ чертахъ, осталась та же, что и въ предшествующемъ періодѣ, какъ и самъ московскій царь продолжалъ сохранять положеніе и привычки князя-вотчинника, теперь уже единственнаго во всей русской землѣ. Попрежнему также московскій «великій государь» правилъ своими «многими государствами и землями» не одинъ, а какъ тогда официально говорилось, «со всѣхъ бояръ приговору», или же по «совѣту всей земли», «соборнѣ». Самый терминъ «самодержавный», въ качествѣ необходимаго предиката царскаго титула, вовсе не говорилъ тогда объ абсолютномъ характерѣ власти царя: «полумонархъ», по выраженію Карамзина, Вас. Ив. Шуйскій, формально ограниченный боярской «записью», именовался, какъ извѣстно, «самодержцемъ»... Все это несомнѣнные показатели феодальной природы дуалистической московской монархіи. Но ничто такъ не характерно для послѣдней, какъ появленіе въ ея нѣдрахъ новаго политическаго органа, унаслѣдовавшаго былое вліяніе и авторитетъ удѣльной «думы» боярской, такъ-назыв. «земскихъ соборовъ». Эти народно-представительныя учрежденія съ явно выраженными сословными тенденціями, глубоко проникавшими живой общественный организмъ московскаго государства, дебютировали у насъ на исторической сценѣ при аналогичныхъ условіяхъ, какъ и на Западѣ, въ періодъ торжества сословно-феодальной монархіи. Они знаменовали у насъ побѣду среднихъ общественныхъ классовъ (дворянства и городовъ) надъ феодальной титулованной и нетитулованной аристократіей удѣльнаго «княжья» и «родословнаго» боярства. Эти средніе «разныхъ чиновъ» московскіе люди создали силу и оплотъ московской самодержавной традиціонной монархіи. Торжество этой монархіи отмѣчало, такимъ образомъ, одновременно моментъ окончательнаго паденія «политическаго» (удѣльнаго) феодализма и не менѣе рѣшительное утвержденіе феодализма «соціальнаго».

Установленіе новаго порядка не обошлось, однако, безъ жертвъ.

Московскимъ государямъ и ихъ политическимъ союзникамъ пришлось выдержать упорную борьбу съ притязательной удѣльной аристократіей, которая, съѣхавшись со всѣхъ концовъ русской земли ко двору московскихъ царей, принесла сюда съ собою свои феодальныя традиціи, оказавшіяся теперь въ рѣзкомъ противорѣчіи съ новыми государственными началами. Эта борьба, выразившаяся, съ одной стороны, въ попыткахъ фрондирующаго боярства и служилыхъ князей ограничить формально власть московскихъ царей, съ другой—въ «опричнинѣ» Грознаго и Годунова и патріотическихъ «соборныхъ» выступленіяхъ «земли»,—ярко запечатлѣлась въ богатой политической и публицистической литературѣ эпохи. Идеологически, означенное выше, рѣзкое столкновеніе двухъ историческихъ порядковъ, разыгравшееся на почвѣ борьбы за власть, привело къ столкновенію двухъ политическихъ идеаловъ, особенно непримиримыхъ во взглядѣ на существо царской власти, ея полномочія и отношенія къ «боярщинѣ» и «земщинѣ». Московское государство, можно сказать, распадалось тогда какъ бы на два враждебныхъ одинъ другому лагеря: на одной сторонѣ мы видимъ реакціонно-оппозиціонную партію разорившихся потомковъ феодальной аристократіи, поднявшихся на защиту идеала «боярскаго» царя, къ которымъ примкнула также и «нестяжательная» удѣльная церковь съ ея ученіемъ о главенствѣ духовной власти надъ свѣтской (Вас. Патрикѣевъ), съ другой—передъ нами выступаетъ партія помѣстно-дворянская въ тѣсномъ союзѣ съ государственною «іосифлянскою» церковью, выдвинувшая идеалъ «грознаго» и мудраго царя-Бога. И въ то время, какъ первые доказывали, что «Господь повелѣлъ царемъ царство держать и власть имѣти со князи и съ боляры», и превозносили святителей, «ревнующихъ по Бозѣ и нестыдно обличающихъ неправедныхъ царей и властелей въ различныхъ законопреступныхъ дѣлѣхъ» (кн. А. Курбскій), вторые, напротивъ, отстаивая ту мысль, что царь долженъ быть «грозенъ и самоуправливъ и мудръ безъ воспрашиванья», усиленно совѣтовали послѣднему

«вельможъ» своихъ «огнемъ жещи і иные лютые смерти имъ давати», возвышая вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрныхъ своихъ «воинниковъ», т.-е. дворянъ, по отношенію къ которымъ московскому царю настойчиво рекомендовалось «быти яко отцу до дѣтей щедру» (Ив. Пересвѣтовъ). Послѣдняя—дворянско-іосифлянская—политическая теорія, по существу, и была официальной теоріей московскаго самодержавія съ его ярко выраженными абсолютистскими тенденціями. На этой-то основѣ и расцвѣла, въ свою очередь, величественная доктрина вселенскаго мессіанства московской православной монархіи, этого, новаго «третьяго Рима», съ «высочайшимъ царемъ», потомкомъ «римскаго кесаря Августа» во главѣ, царемъ, который, по выраженію Васютки Грязнова, «аки Богъ, и малаго великимъ чинитъ». Торжественное соборное ауто-да-фе разрядныхъ книгъ съ церковной анафемой въ 1682 г. было достойнымъ эпилогомъ этой великой исторической драмы, борьбы двухъ началъ—феодально-аристократическаго начала «породы» (наслѣдственой привилегіи), господствовавшаго въ удѣльной Руси, и начала служебно-бюрократическаго, «выслуги», побѣдившаго въ концѣ-концовъ въ московскомъ государствѣ. Борьба закончилась, дума боярская пала, а вмѣстѣ съ тѣмъ завершилась и историческая миссія соборовъ. Органическая переработка удѣльныхъ порядковъ завершилась: московская самодержавная монархія превратилась въ бюрократическую, централизованную, абсолютную монархію на началахъ государственнаго «закрѣпощенія» сословій въ противовѣсъ вольно-договорнымъ отношеніямъ удѣльной эпохи, а Россія—въ крѣпостное дворянское государство. Произошла смѣна одного политическаго строя другимъ: образовалось великое единое національное (велико-русское) государство.

Уже изъ этого краткаго схематическаго очерка явствуетъ, что для настоящаго періода центръ вниманія долженъ быть, прежде всего, сосредоточенъ на анализѣ власти московскаго государя. Однако, эволюція московскаго самодержавія и самая государственная теорія власти московскихъ царей могутъ быть поняты въ надлежащемъ смыслѣ лишь при до-

статочномъ знакомствѣ съ важнѣйшими моментами острой соціально-политической борьбы, столь характерной для данной эпохи и сообщившей ей столь драматическій колоритъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, процессъ постепеннаго захуданія (демократизаціи и бюрократизаціи) боярской думы и параллельный ростъ земскихъ соборовъ должны быть изучены въ ближайшей связи съ исторіей власти московскихъ государей. Знаменательная эволюція этихъ политическихъ, взаимно конкурирующихъ, учрежденій можетъ очень хорошо объяснить намъ также весьма многое и въ той острой борьбѣ «земщины» съ «боярщиной», единодержавія съ многовластіемъ, которая не разъ потрясала государственный организмъ Московской Руси. Не менѣе цѣннымъ и надежнымъ руководителемъ въ указанномъ направленіи можетъ оказаться также и яркая политическая литература московскаго періода.

Но успѣхи московской монархіи должны были сказаться не только на самомъ характерѣ верховной власти и ея ближайшихъ органовъ, но и на всей системѣ государственнаго управленія. Начала централизаціи и бюрократизаціи управленія послѣдовательно начали проникать въ XVI ст., какъ въ сферу центральнаго, такъ и областнаго управленія Московской Руси, неуклонно вытѣсняя старую правительственную «удѣльную» традицію феодальнаго «кормленія и владѣльческаго иммунитета. Образованіе «приказовъ», съ одной стороны, и. воеводской» областной администраціи, всецѣло подчинившей себѣ земскія, мірскія власти,— съ другой, должно было завершить процессъ «собиранія» великаго московскаго государства. Опричнина и земская реформа Грознаго эпизодически, но очень показательно, отмѣтили въ русской исторіи переходный моментъ отъ эпохи чрезвычайнаго дробленія правительственной власти къ эпохѣ ея сосредоточенія и, такъ-сказать, огосударствленія, когда впервые у насъ, наконецъ, выявилась идея государства воплощеннаго пока въ идеѣ и лицѣ «государя всея Руси» согласно классическому принципу: «государство—это я».

Наши литературныя указанія мы начнемъ небольшою книжкою Н. Рожкова «Происхожденіе самодержавія въ Рос-

сіи» (М. 1906 г., 213 стр.). Далѣе, въ качествѣ введенія къ основному труду проф. М. Дьяконова «Власть московскихъ государей» (СПБ., 1889 г.) можне рекомендовать брошюру проф. М. М. Богословскаго «Изъ исторіи верховной власти въ Россіи» (М. 1905 г., изд. «Свободная Россія» подъ ред. Мельгунова и Шестакова, 35 стр.), а также 17—19 очерки изъ «Книги для чтенія по исторіи новаго времени», т. 1, 1910 г. Нѣкоторымъ дополненіемъ къ книгѣ проф. Дьяконова можетъ служить работа П. Н. Милюкова «Очерки по исторіи русской культуры», ч. 3, в. 1 (СпБ., 1901 г., 181 стр.). Полезно ознакомиться также съ сочиненіями проф. А. Я. Шпакова «Государство и церковь въ ихъ взаимномъ отношеніи въ Московскомъ государствѣ», ч. 1 (Кіевъ, 1904 г., 263 стр.) и В. Сокольскаго «Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ Московскомъ государствѣ» (Кіевъ, 1902 г., 229 стр.). Существенную важность имѣетъ также въ связи съ указанными пособіями знакомство съ работой проф. С. Ф. Платонова «Очерки по исторіи смуты» (СПБ., 1899 г., 665 стр.) и проф. Н. Н. Фирсова «Разиновщина» (изд. Вольфа «Свободное изданіе», подъ ред. проф. Гримма, 1908 г.). Весьма желательно было бы вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомленіе въ подлинникѣ съ важнѣйшими памятниками политической литературы эпохи: «Бесѣда пр. Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ» (Лѣтопись занятій Археограф. комиссіи, 1895 г., вып. 10), В. Ф. Ржига, И. С. Пересвѣтовъ, публицистъ 16 в. (М., 1908 г., 84 стр.), Н. Устряловъ «Сказанія кн. Курбскаго» (СПБ., 1868 г., изд. 3-е, 506 стр.). Для исторіи «московской» боярской думы ограничимся указаніемъ цитированнаго уже выше сочиненія проф. В. О. Ключевскаго (гл. 9—26). По вопросу о «земскихъ соборахъ» слѣдуетъ начать книгою проф. В. Н. Латкина «Земскіе соборы древней Руси» (СПБ., 1885 г.) и затѣмъ перейти къ статьѣ И. И. Дитятина «Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Московскаго государства» (Статьи по истор. р. п.). Далѣе уже можно обратиться къ главѣ о земск. соборахъ въ «Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по

древней исторіи русскаго права», проф. В. И. Сергѣевича (СПБ., 1903 г., стр. 161—228), изслѣдованію проф. В. О. Ключевскаго «Составъ представительства на земскихъ соборахъ» (Опыты и изслѣдованія, 1, 1912 г.) и статьѣ М. Покровскаго «Земскій соборъ и парламентъ», въ сборникѣ «Конституціонное Государство» (изд. Гессена, 1905 г.). Въ заключеніе необходимо ознакомиться съ весьма цѣнною брошюрою проф. С. Ф. Платонова «Къ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ» (СПБ., 1905 г., 68 стр.). Подлинные «Акты, относящіеся къ исторіи земскимъ соборовъ», изданы подъ ред. Ю. В. Готье, въ серіи подъ общимъ заголовкомъ: «Памятники русской исторіи» (изд. Клочкова, М., 1909 г., 76 стр.). Укажемъ также въ качествѣ общаго пособія для даннаго періода книгу Н. Загоскина «Исторія права Московскаго государства, т. 1 и 2 (1877—79). Краткую характеристику Московскаго государства съ точки зрѣнія сословно-феодальной монархіи можно найти у Н. П. Сильванскаго, op. cit, гл. 4. Съ той же цѣлью можно рекомендовать также знакомство съ ранѣе названнымъ очеркомъ Н. Карѣева «Помѣстье-государство», гл. 13—27 и другимъ этюдомъ того же автора: «Западно-европейская абсолютная монархія 16, 17 и 18 вв.» (1908 г.). По исторіи органовъ центральнаго и областнаго подчиненнаго управленія слѣдуетъ обратиться прежде всего въ книгѣ К. Неволина «Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В.» (Сочин., т. 6). Далѣе заслуживаютъ особаго вниманія: Б. Чичеринъ, «Областныя учрежденія въ Россіи 16—17 вв.) (1856 г.), А. Градовскій «Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи» (Сочиненія, т. 2), А. Лаппо-Данилевскій «Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ» (1890 г.), М. Богословскій «Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ», т. 1 и 2 (1909 и 1912 гг.), АА. Кизеветтеръ «Мѣстное самоуправленіе въ Россіи», гл. 4—6. Для знакомства съ важнѣйшими памятниками эпохи укажемъ: С. Шумаковъ «Губныя и земскія грамоты Московскаго государства» (1895 г.), Владимірскій-Будановъ Христоматія, в. 2 и 3, «Соборное уложеніе царя Алексѣя Михайловича, 1649 г.» (1907 г.), изд.

Истор.-филолог. фак. Москов. университета. Наконецъ, значительный интересъ представляетъ также знакомство съ такими памятниками эпохи, какъ сочиненіе Флетчера «О государствѣ русскомъ» (1905 г.) и Котошихина «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича» (1906 г.).

Традиціонная московская монархія, исполнивъ свое историческое призваніе созданіемъ единаго централизованнаго національнаго государства, закончила, какъ мы видѣли, утвержденіемъ абсолютизма, базированнаго на сословномъ антагонизмѣ, который, разъединяя между собой московскіе «чины», заставлялъ ихъ искать опоры въ нейтрализованной, неограниченной власти Царя, не связаннаго формальнымъ договоромъ съ какой-нибудь одной изъ враждующихъ сторонъ. Когда же борьба за «всецѣлаго монарха»—по выраженію стародума Посошкова — завершилась, самъ собой всталъ на очередь вопросъ о приведеніи въ стройную систему «разсыпанной храмины» московскаго государства, строившагося по-«старинѣ» среди стихійной борьбы противорѣчивыхъ началъ. Удовлетворить указанной назрѣвшей потребности и суждено было «россійской имперіи». Задача московской монархіи была, такимъ образомъ, боевая, учредительная, творческая; задача петербургской имперіи—организаціонная, регулятивная. Реформа Петра I, поэтому, носила чисто-техническій, а не революціонный характеръ. Этимъ и объясняются существенныя черты въ конструкціи верховной власти у насъ въ послѣднемъ, четвертомъ, періодѣ ея исторіи. Императорская монархія XVIII—XIX вв., въ указанномъ смыслѣ, внѣ всякаго сомнѣнія, представляла изъ себя не что иное, какъ типичное «полицейское» или «регулярное» государство, т.-е. неограниченную самодержавную бюрократическую монархію, облеченную и въ Россіи, какъ и на Западѣ, въ парадныя одежды философіи «просвѣщеннаго деспотизма». Сохраняя въ своихъ основаніяхъ соціальный строй «московской» эпохи, какъ сложился онъ къ концу XVII в., и усиленно культивируя и насаждая сословный принципъ, петербургская имперія послѣдовательно развивала вмѣстѣ съ тѣмъ начала абсолютизма, съ прису-

щими ему качествами — деспотизмомъ безоотвѣтственной бюрократіи, мелочной опекой надъ «гражданами», совершеннымъ подчиненіемъ церкви государству и чрезмѣрнымъ развитіемъ правительственной иниціативы и законодательной регламентаціи. Но подчиняя все и вся безапелляціонному авторитету государственной власти, имперская монархія впервые ясно и рѣзко поставила проблему о государствѣ, покончивъ разъ навсегда съ отождествленіемъ интересовъ «государя» и «государства». Поэтому, провозглашая, впервые, въ законѣ начала неограниченнаго самодержавія—«Его Величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ; но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять» (Воин. уставъ, арт. 20),—имперское правительство въ то же время смотрѣло на этого «самовластнаго монарха» какъ на «перваго слугу» народа, который, повелѣвая во имя идеи «общаго блага» или, что то же, «блага государственнаго», призванъ «добрыми регулами» и «регламентами», говоря словами екатерининскаго «Наказа», «дѣйствія людей направити къ полученію самаго большаго отъ всѣхъ добра» (ст. 13). Эта заманчивая утопія блаженнаго «полицейскаго государства», представлявшаго изъ себя, по остроумному замѣчанію Л. Штейна, «Zwangsanstalt für das Glück der Völker», съ ея знаменательнымъ девизомъ «полиція есть душа гражданства» (Регл. Главн. Магистрату, гл. 10), нашла у насъ, какъ извѣстно, талантливое теоретическое обоснованіе первоначально (если не считать болѣе ранней попытки Юрія Крижанича) въ трактатѣ Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей», позднѣе въ «Наказѣ» коронованнаго философа, имп. Екатерины II. Однако, обѣщая своему народу величайшее «блаженство» и требуя отъ него «непреклоннаго, безмятежнаго, еще же и доброхотнаго повиновенія», доктрина «просвѣщеннаго абсолютизма», по существу, только санкціонировала въ терминахъ раціоналистической философіи дворянско-крѣпостной, сословный строй имперіи, послѣдовательно перенося идеоло-

гію просвѣщеннаго деспотизма изъ области государственныхъ отношеній (монарха къ «гражданамъ») въ сферу отношеній соціальныхъ (помѣщика къ его «подданнымъ»). Вотъ почему дворянская Россія стала на стражѣ интересовъ «полицейскаго» государства, выдвинувъ на защиту его такихъ видныхъ общественныхъ дѣятелей, какими были, напр., историкъ Татищевъ, знаменитый дворянскій «депутатъ» и публицистъ XVIII в., кн. М. Щербатовъ, творецъ единственной въ своемъ родѣ соціальной утопіи «Путешествіе въ Офирскую Землю», или, наконецъ, знаменитый исторіографъ М. Карамзинъ. Петербургская имперія XVIII и первой половины XIX ст., дѣйствительно, и въ своей идеологіи, и въ своихъ реальныхъ основаніяхъ была имперіей дворянской по преимуществу. Это была, въ полномъ смыслѣ слова, имперіи «милостью дворянства», когда «первенствующее сословіе», путемъ дворцовыхъ переворотовъ (1725—1801 г.), возводило на россійскій престолъ и низводило съ него своихъ монарховъ, а эти послѣдніе гордились скромнымъ титуломъ «помѣщицы» (Екатерины II) или «перваго дворянина имперіи» (Николай I). Истинный характеръ имперской монархіи съ достаточной ясностью сказался въ памятныхъ событіяхъ, сопутствовавшихъ воцаренію Анны Ивановны. Такъ называемое «конституціонное» движеніе 1730 г., явившееся послѣдней отчаянной попыткой старой титулованной аристократіи «себѣ полегчить» и «воли прибавить», закончилось паденіемъ «верховниковъ», именно благодаря тому, что «благородное шляхество» стало на защиту императорскаго трона. Что касается собственно дворянскаго «конституціонализма» 1730 г., то онъ носилъ, очевидно, оборонительный и мнимый характеръ, будучи направленъ, по существу, не противъ «самодержавія», а противъ «верховниковъ». Недаромъ и не случайно лидеромъ дворянской «конституціонной» партіи выступилъ Татищевъ, горячій сторонникъ неограниченной монархіи, полагавшій къ тому же, что «къ премѣненію правительства никакой нужды, ни пользы нѣтъ, развѣ великій вредъ». Но и quasi конституціонализмъ «верховныхъ господъ минист-

ровъ», проникнутый явно реакціонными тенденціями, не имѣлъ будущаго. Русское конституціонно-освободительное движеніе не можетъ, поэтому, занести въ свои лѣтописи «1730 годъ», оно зародилось въ сферѣ иныхъ отношеній. Но прежде чѣмъ вопросъ о коренной государственной реформѣ получилъ практическую постановку, правительство «стараго порядка» сдѣлало рядъ попытокъ, не касаясь самыхъ основъ государственнаго строя Россіи, утвердить въ странѣ начала «законности». По существу, все XVIII ст. протекаетъ въ русской исторіи въ непрерывныхъ преобразованіяхъ то всей системы центральнаго, то областнаго управленія. Сенатъ, Синодъ, коллегіи, «совѣты», «кабинеты» и «комитеты» при Высочайшемъ дворѣ, министерства, Государственный Совѣтъ, комитетъ и совѣтъ министровъ, губернская и городовая реформа Петра Великаго и Екатерины II, наконецъ, новыя государственныя преобразованія 60-хъ — 70-хъ г.г., XIX ст.—таковъ краткій и самый общій перечень учрежденій, изъ которыхъ каждое въ изучаемомъ періодѣ находилось въ состояніи почти непрерывнаго переустройства. И тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти «преобразованія», правовой строй въ имперіи не только не утверждался, но наоборотъ—Россія, по отзывамъ вдумчивыхъ наблюдателей эпохи, все ближе уподоблялась «тѣмъ варварскимъ временамъ, въ которыя не только установленнаго правительства, ниже письменныхъ законовъ еще не было». Но иначе и быть не могло. Въ абсолютной монархіи, гдѣ въ лицѣ безотвѣтственнаго монарха, стоящаго внѣ закона и выше закона, смѣшаны всѣ власти (законодательная, правительственная и судная), и гдѣ воля монарха всегда является безусловнымъ велѣніемъ — очевидно не можетъ быть ни точнаго понятія закона, ни закономѣрнаго правительства, «ибо, гдѣ законъ самъ не стоитъ на твердомъ основаніи, тамъ и отвѣчать передъ нимъ нельзя» (Сперанскій). Злоключительное положеніе» абсолютизма усугубляется всегда тѣмъ болѣе, что неограниченный монархъ естественно стремится управлять не черезъ учрежденія, которыя его связываютъ, а черезъ довѣренныхъ лицъ, без-

условно ему подчиненныхъ. Именно съ этой точки зрѣнія и должна быть разсматриваема исторія нашихъ государственныхъ учрежденій періода господства полицейскаго государства. Только при такихъ условіяхъ становится понятенъ и самый кризисъ русскаго абсолютизма, особенно ярко проявившійся въ XIX ст., но начавшійся еще въ эпоху Екатерининскаго царствованія.

Дворянско-бюрократическая имперія уже со второй половины XVIII в. обнаружила свое внутреннее банкротство, грозившее ей экономическимъ разореніемъ и серьезными соціальными потрясеніями. Съ одной стороны, крѣпостное право и хозяйство, разлагавшееся, такъ-сказать, на самомъ корню и ставившее непреодолимыя препятствія на пути свободнаго развитія народныхъ и производительныхъ силъ страны, съ другой—господство «припадочныхъ людей», временщиковъ, расшатавшее въ конецъ государственное управленіе и создавшее вмѣсто него анархическую систему, при которой «всегда дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ» (гр. Панинъ)—таковы были тѣ причины, которыя настойчиво, уже въ концѣ XVIII в., выдвигали на очередь вопросъ «общаго государственнаго преобразованія». Уже въ «Екатерининъ вѣкъ златой» изъ рядовъ городской разночинной интеллигенціи раздался первый призывъ къ «свободѣ» и рѣзкій протестъ противъ «деспотизма» (Радищевъ). Съ начала XIX ст. вопросъ объ «эмансипаціи» и «конституціи» уже не сходитъ со сцены ни въ правительственныхъ сферахъ, ни въ общественныхъ кругахъ. Исторія нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій прошлаго вѣка является лучшимъ тому свидѣтельствомъ. Она представляетъ намъ зрѣлище полуразрушеннаго и недостроеннаго государственнаго зданія, груду обломковъ, хранящихъ живое и печальное воспоминаніе о погибшихъ и внезапно порвавшихся реформахъ, съ которыми тѣсно связано имя М. Сперанскаго «дней Александровыхъ прекраснаго начала». Изнемогая подъ «тяжкимъ бременемъ» своей собственной власти, имперское правительство даннаго періода, ревниво охраняя прерогативы абсолютной монархіи, въ то

же время постановило передъ собой неразрѣшимую задачу— «утвердить блаженство имперіи на незыблемомъ основаніи закона». Оно пыталось, такимъ образомъ, сочетать принципы неограниченнаго самодержавія съ началами «законности», правового строя. Понятно, что всякій разъ, когда государственная власть пыталась примирить столь непримиримыя начала, она или терпѣла жестокое пораженіе въ своихъ «преобразовательныхъ» попыткахъ, разрушая одной рукой то, что она созидала другой, или упиралась въ вопросѣ о ликвидаціи мамаго абсолютнаго и сословно-крѣпостническаго строя. Съ конца XVIII ст. и въ теченіе всего XIX ст. эти роковые вопросы русской исторической жизни поэтому болѣе уже не сходятъ съ очереди. Въ сознаніе общества и правительства все настойчивѣе начинаетъ проникать мысль о неизбѣжности и тѣсной взаимной связи реформы соціальной и политической. Отмѣна крѣпостного права и конституція, эти двѣ реформы, дѣйствительно, были связаны между собой такъ же неразрывно, какъ самодер жаніе, дворянскія привиллегіи и крѣпостное право. Означенная внутренняя связь и опредѣлила ближайшую судьбу реформы государственной. «Можно ли говорить о гражданской свободѣ,—спрашивалъ Сперанскій,—гдѣ половина населенія находится въ совершенномъ рабствѣ, гдѣ сіе рабство связано со всѣми почти частями политическаго устройства?» «Государь!—воскликнулъ наканунѣ реформы колѣнопреклонный предсѣдатель Государственнаго Совѣта Гагаринъ,—эмансипація—вѣдь это конституція!»... Понятно, что при такихъ условіяхъ вопросъ о коренной государственной реформѣ долженъ былъ сначала разбиться о преюдиціальный вопросъ русской «конституціи»—вопросъ о крѣпостномъ правѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ того момента, какъ государственная власть попала въ плѣнъ дворянской реакціи, вопросъ о реформѣ неизбѣжно сталъ на новый, «революціонный» путь. Этотъ поворотъ въ направленіи и настроеніи русской политической мысли совершился въ первой четверти 19 ст. и запечатлѣлся въ идеологіи «декабризма» и конституціонныхъ проектахъ декабристовъ. Рес-

публиканизмъ Пестеля и возстаніе 14-го декабря были первой открытой манифестаціей революціоннаго коституціонализма. «Осадное положеніе» николаевской эпохи, какъ охарактеризовалъ ее маркизъ де-Кюстинъ, лишь ненадолго отсрочило «катастрофу», загнавъ одновременно въ «подполье» и общественную оппозицію (тайныя общества), и правительство (секретные комитеты). Съ этого момента. и та, и другая сторона законспирировались, одна въ революціонномъ, другая въ бюрократическомъ «подпольѣ»; въ результатѣ—освободительная реформа и катастрофа 1-го марта. Новый приливъ дворянско-бюрократической реакціи вновь временно задержалъ послѣднюю развязку «увѣнчанія зданія». Контръ-реформы второй половины 19 ст. только временно задержали то «освободительное движеніе», которое запечатлѣло собой вторичный историческій поворотъ въ жизни русскаго государства, его переходъ къ новымъ формамъ — государства правового, народнопредставительнаго. (17 окт. 1905 г.). Реформа 19 февр. и 17 отк., по существу, это только два момента одного и того же историческаго процесса (ликвидаціи государства «стараго режима») послѣдовавшаго и въ Россіи при анологичныхъ условіяхъ, какъ и на западѣ. Для историка это совершенно очевидно.

При современномъ состояніи спеціальной литературы намѣченный кругъ вопросовъ, хотя и не безъ пробѣловъ, можетъ быть освѣщенъ слѣдующимъ рядомъ пособій. Въ качествѣ общаго введенія можно указать прежде всего на статью Б. И. Сыромятникова «Абсолютная монархія 18 ст. въ Россіи» (Книга для чтенія по новой исторіи, т. 2), далѣе желательно обратиться къ слѣдующимъ работамъ: пр.-доц. Н. И. Лазаревскаго, «Лекціи по русскому государственному праву», т. 1, отд. 1, гл. 1 и 2 (СПБ., 1908 г., 509 стр.), Н. П. Сильванскаго op cit., § 43—44. Пр.-доц. М. А. Рейснера «Государство и вѣрующая личность» 1905 г.), ст. 8 и его же «Духовная полиція въ Россіи» (СПБ., 1909 г., «Свободное знаніе», 107 стр.), А. Д. Градовскаго «Высшая администрація Россіи 18 в.» (Собраніе сочиненій, т. 1, СПБ., 1899 г.), П. Милюкова «Очерки

по исторіи русской культуры», ч. 3, вып. 2. «Исторія России въ 19 в.», вып. 1—3, 17—18 (Изд. Граната, 1907—1909 гг.). Далѣе можно перейти непосредственно къ характеристикѣ верховной власти имперіи по книгамъ: проф. В. Н. Латкина «Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи», ч. 2, гл. 3 и 4, § 2, проф. И. И. Дитятина, «верховная власть въ Россіи 18 ст.» (Статьи по исторіи рус. права). М. Богословскаго «Областная реформа Петра Великаго» (М., 1902 г.), гл. 1. Проф. Ф. В. Тарановскаго «Политическая доктрина въ наказѣ императрицы Екатерины II» (Сборникъ статей по исторіи русскаго права, посвящ. Владимірскому-Буданову Кіевъ, 1904 г.). По исторіи учрежденій и государственнаго управленія можно рекомендовать слѣдующія пособія: П. Милюковъ «Государственное хозяйство Россіи въ перв. четв. 18 в. и реформа Петра В. (изд. 2-е), «Исторія Правительствующаго Сената за 200 лѣтъ, т. 1—4 (1911 г.), В. Щеглова «Государственный Совѣтъ въ царствованіе императора Александра I» (1895 г.), его же «Государственный Совѣтъ въ Россіи въ первый вѣкъ его образованія» (1903 г.), Кн. Б. Вяземскій «Верховный тайный совѣтъ» (1909 г.), С. Середонинъ «Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ» (1902 г.), т. 1, 2 и 3. Б. И. Сыромятниковъ «Происхожденіе министерскаго начала въ Россіи» («Научное Слово», 1903 г. 2), Довнаръ-Запольскій «Зарожденіе министерствъ въ Россіи» (1906 г.), М. Богословскій «Областная реформа Петра В.» (1902 г.), А. А. Кизеветтеръ «Посадская община въ Россіи 18 в.» (1903 г.), И. Дитятинъ «Устройство и управленіе городовъ въ Россіи», т. 1 и 2 (1875 и 1877 г.), А. А. Кизеветтеръ «Мѣстное самоуправленіе въ Россіи», гл. 7—9 А. Лохвицкій «Губернія», ч. 1 (1865). Для ознакомленія съ конституціонными и иными соціально-политическими движеніями и идеями эпохи можно рекомендовать: В. Е. Якушкина «Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи» (изд. Львовича, СПБ., 1906 г., 160 стр.), В. Вальденбергъ «Государственныя идеи Крижанича»

(1912 г.), Павломъ-Сильванскій «Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В.» (1897 г.), его же «Очерки по русской исторіи 18 в. (1910 г.), Загоскинъ «Верховники и шляхетство», П. Н. Милюкова «Верховники и шляхество. (Изъ исторіи русской интеллигенціи изд. «Знаніе», СПБ., 1903 г.), М. М. Богословскаго «Конститаціонное движеніе 1730 г.» (Библ. «Свободная Россія», 1906 г., 40 стр.). Проф. Н. Н. Фирсова «Пугачевщина» (изд. Вальфа «Свободное Знаніе», 185 стр.). А. А. Кизеветтера «Русская утопія 18 ст.» (Сборникъ «Помощь» СПБ., 1903 г.), Б. И. Сыромятниковъ «Политическая доктрина въ «Наказѣ» Пестеля (Сборникъ статей въ честь В. О. Ключевскаго, 1909 г.), В. И. Семевскаго «Первый политическій трактатъ М. Сперанскаго» («Русское Богатство», 1907 г., № 1, (Давнаръ-Запольскій «Политическіе идеалы М. Сперанскаго» (1905 г.), А. Н. Пыпина «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I» (СПБ., 1908 г., 4-е изд. Стасюлевича, 588 стр.), Ф. М. Дмитріева «Сперанскій» (Соч., т. 2, М. 1906 г.), В. И. Семевскаго «Вопросъ о преобразованіи государственаго строя Россіи въ 18 в. и перв. четв. 19 в.» (журн. «Былое» 1906 г. № 1—3), его же «Политическія и общественныя идеи декабистовъ» (1909 г.), Н. Н. Іорданскаго «Конституціонное движеніе 60-хъ годовъ» (СПБ., 1906 г., стр. 155), А. А. Корнилова «Общественное движеніе при Александрѣ II» (1855—1880 г.). А. Туна «Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи» (М. 1905 г., 221 стр.). М. Лемке «Очерки освободит. движенія 60гг.» (1908 г., 510 стр.). Драгоманова (Земскій либерализмъ въ Россіи» (Собр. полит. сочин., т. 2, ст. 787—833 Парижъ. 1906 г.). Богучарскій «Изъ исторіи политической борьбы въ 70-80 г. г. 19 в.» (1912 г.). Ср. также Н. Кирѣевъ «Происхожденіе современнаго народно-правового государства», (СПБ., 1908 г., 496 стр.). Для знакомства съ важнѣйшими памуятниками періода можно обратится къ слѣдующимъ изданіямъ: «Памятники законодательства Петра В.» подъ ред. М. Богословскаго (изд. Клочкова, 1910 г.) Основные законодательные акты, касающіеся высшихъ государственныхъ учрежденій въ Россіи 18 и перв. четв. 19 ст., подъ ред. А. А.

Кизеветтера (Памятники русской исторіи, изд. Клочкова, М. 1909 г., 97 стр.). Юрій Крижаничъ «Русское государство», т. 1 и 2 (1859 г.). Правда воли монаршей (Полн. собр. закон. т. 7). Иванъ Посошковъ «Книга о скудности и богатствѣ» (изд. Клочкова, 1911 г.). Наказъ Е. И. В. Екатерины Вторыя (СПБ., 1893 г. Изд. Пантелѣева или Академіи Наукъ). С. Десницкій «Представленіе объ учрежденіи законод., судительн. и наказательн. власти» (Записки Академіи Наукъ т. 7, № 4, 1905 г.). Кн. М. М. Щербатова. Сочиненія, т. 1 и т. 2: Изд. Щербатова, СПБ., 1896 г., 1056 стр.), А. Н. Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (СПБ., 1905 г. подъ ред. Н. П. Сильванскаго). Гр. М. М. Сперанскаго «Планъ государственнаго преобразованія» (М., 1905 г., изд. «Рус. Мысли»), П. И. Пестеля «Русская Правда, наказъ временному ворховному правленію», подъ ред. П. Щеголева (СПБ., 1906 г. кн. «Культура)», «Государственная уставная грамота Россійской имперіи», Берлинъ, 1903 г., Берманскій «Конститиціонные проекты царствованія Александра II» («Вѣстникъ Права», 1905 г., 9).

Въ намѣченныхъ предѣлахъ мы исчерпали задачу нашего обзора. Книга исторіи закрывается.

Цѣна 20 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
3-я Тверская-Ямская, д. № 56, кв. 26,
ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.